

Будь они ассирийками, гречанками, египтянками или индианками и живи они на заре нашей эры, все мы ходили бы к ним на поклон в храмы, чтобы узнать о том, что ожидает нас в будущем. Если бы им суждено было родиться в Испании, Германии, Франции, Дании в средние века, то, скорее всего, горели бы они на костре инквизиции синим дьявольским пламенем. Но волею судьбы вентрологи (а по-старорусски чревоглаголющие) Донские — наши современники и соплеменники.

ски строгая, с достоинством, бабушка Мария Григорьевна, обаятельная красавица Евгения Захаровна, немного еще робкая на сцене, начинающая восемнадцатилетняя Маша и их постоянная спутница, тоже артистка, «говорящая» собака Диана. Все в черных бархатных платьях с кринолином с белыми воротничками и черными бантами, обязательные шпильки. Диана тоже не отстает от семейства — носит пятнистую черно-белую шкурку.

В вентрологии важно в первую очередь не умение говорить, не открывая рта,

— Знаешь, во мне все время борются две половинки. Одна папина, другая мамина. Папа у меня человек жесткий, с характером. И я такая же. Я всегда лидер. Поэтому из-за моей решительности, твердости периодически случаются всякие неприятности, но я отходчивый человек. Это уже половинка мамы. Сначала я говорю «ра!», а потом так скромно добавляю «ха-ха» и успокаиваюсь.

Так что теперь, когда я выросла, в нашей семье очень многое изменилось. Мама привыкла слушаться бабушку, а те-

перь бабушке иногда приходится слушаться меня.

Прадедуща, корифей своего жанра, был весьма почитаем в России. Он удостоился чести выступать на коронации Николая II, ездил с гастрольями в Европу. И спокойно мог на заработанные деньги содержать жену с четырьмя детьми и купить собственный дом в Одессе. Прабабушка Маши, Наталия Алексеевна Якименко, выступавшая в цирке в начале века как чародейка Луиза Дюбари, выйдя замуж, смогла оставить работу и

те, что раньше из-за границы привозила. Теперь артистам нужно обладать какой-то другой профессией, чтобы себя прокормить.

Мы, например, можем сдавать комнату в квартире. Если этого будет мало, придется сдать всю квартиру, а самим уехать жить к родственникам. Одна мамина знакомая открыла свое кафе и предлагает нам печь десерт. Мы все очень хорошо готовим, мама согласилась.

— А тебе никогда не приходило в голову поменять профессию, не пойти по известному пути?

— Мне всегда очень нравилось возиться с детьми, играть в игрушки. Кстати, у меня довольно большая коллекция маленьких куколок. Самые любимые — три собачки, сделанные из перчатки, что подарил Леонид Иосифович Утесов... Так что выходит, что любимое занятие у меня — играть в куклы. Или на эстраде, или дома.

— У тебя есть идолы, кумиры?

— Ну, таких уж безумных идолов, пожалуй, нет. Знаешь, это очень сложно — по кому-нибудь фанатеть, если сам относишься к коллегам бесценного идола и, со своей стороны, можешь более трезво оценить его творчество.

На самом деле мой кумир — Муся, так я свою бабушку называю. Я от нее просто тащусь. Как она работает! Как бабуля чешет в свои восемьдесят два на тринадцатисантиметровых шпильках, как она говорит за куклу, как входит в образ! Потрясающе у нее получаются мужские роли — Гном, Пьяница.

Мне всегда нравилась работа и мамы, и бабушки, но то, что это такое и каких трудов стоит, я поняла, только когда стала выступать сама.

В вентрологии мало природного дара, с которым нужно родиться, тут каждый день приходится пахать на репетициях. Голос должен быть громким, соответствовать кукле, нужно уметь направить звук в любую точку зала. Я, конечно, работаю хуже мамы и бабушки. Но меня утешают, говорят, что все это придет. Вентрология в отличие от балета искусство, которое приходит в возрасте. Например, у мамы мужской, «гноминый», голос пошел только лет в тридцать.

Номер длится обычно минут пять. Большие трудно выдержать. Мы и так по-

сле концерта полдня разговариваем шепотом. И за это время нужно успеть поругаться, помириться со своим героем, пожуричь его, наставить на путь истинный и спеть куплеты. Очень много букв нельзя произносить с закрытым ртом, приходится все время специально подбирать слова. Все номера у нас с репризами. А так юмористам писать очень сложно. Вот Задорнов обещал нам помочь, подкинуть что-нибудь, но обычно приходится в конце концов сочинять все самим.

В наших монологах никогда не было сатиры. Раньше это было сложно, а потом, когда все только и стали о политике, съездах, партиях, водке говорить, мы поняли, что и дальше нужно использовать только юмор. Мягко, ненавязчиво и всегда весело. Будь то Англия, Россия или Финляндия.

МАРИЯ Григорьевна и Евгения Захаровна объездили с гастрольями более сорока стран. Выступали в парижской «Олимпии», заволакивая придиричивых французов своим тонким, уникальным искусством. В Москве давали концерты в «Октябре», Театре эстрады, в «России»...

Один настойчивый французский поклонник долгие годы умолял попеременно то маму, то бабушку выйти за него замуж. Так хотелось ему иметь в женах русскую чародейку. Но и Мария Григорьевна, и Евгения Захаровна на все попытки оставить их за границей отвечали отказом. Как же так, династия, русское искусство, преданные поклонники!

Маша пока за границу с гастрольями не ездила. Предложений много, но, как на грех, все импресарио оказываются шулерами и прохвостами: то неплатежеспособны, то предлагают вентрологию со стриптизом в одном номере соединить... За преданность русской сцене Маша родных не осуждает, но и горячо не оправдывает, и о стране проживания и выступлений в ближайшие десять лет предпочитает не говорить. Зато точно знает:

— Если у меня родится ребенок, для меня самым большим ударом будет то, если он вдруг не захочет продолжить нашу династию... Заставлять я его, конечно, не стану, но в том, что семейная традиция — замечательная вещь, постараюсь убедить.

Яна ЖИЛЯЕВА.

«ЭТО Я ЗА ТЕБЯ ГОВОРЮ...»

Древнейшая профессия с точки зрения юной представительницы

ГРИГОРИЙ Михайлович Донской был первым русским вентрологом. Свои выступления в цирке он начал еще в годы царствования Александра III. Русские в этом жанре не выступали никогда. Сын бедной мещанки, Гриша Донской стал бродячим артистом в 14 лет. Мальчик оказался одарен — в его головах связках природа заложила тот маленький секрет, который, невидимый даже врачу, позволяет вентрологам говорить, не раскрывая рта. Способности к вентрологии можно развивать, но лишь в том случае, если особое горло дано тебе от рождения.

Григорий Донской стал не только первым, повсеместно признанным, известным русским вентрологом, но и основателем актерской династии. Из четверых его детей профессию отца унаследовала младшая, Мария Григорьевна Донская. Дочка Марии Донской Евгения Донская тоже стала вентрологом, ее дочка, правнучка Григория Донского, названная Машей в честь бабушки, уже три года работает на профессиональной сцене в жанре вентрологии.

Когда-то исключительно мужская, таинственная профессия стала сейчас исключительно женской. Но таинственности, исключительности своей не утратила до сих пор. Во всемирной ассоциации вентрологов состоят пятьдесят человек. Россию представляют Мария Григорьевна и Евгения Захаровна Донские.

Донские всегда вместе. Аристократиче-

а актерская игра, вживание в образ. Если получается неестественно, кукла не кажется живой, то как бы ты ни старался, тебе не поверят. Кукле нужно подобрать подходящий голос. У Андрюшки тоненький, нежный. Когда бабушка выступает с Пьяницей, то зрители удивляются, откуда берется такой пропитой бас, у мамы Гном по-старчески шамкает, что-то там бормочет. И у куклы, и у актера должна быть хорошо поставлена мимика, чтобы казалось, что кукла на самом деле оживает.

ГЛАВОЙ семьи традиционно считается бабушка. Ее учил ремеслу папа, Григорий Донской, она точно знает, какое когда нужно принять решение. Евгения, Машина мама, более мягкий, нежный, эмоциональный человек. Зато внучка Маша не промах.

пер бабушке иногда приходится слушаться меня.

У нас в семье очень интересно получалось. Все женщины деньги зарабатывают, даже собака. Кстати, все собаки у нас всегда дворняжки.

Первый концерт у меня был в школе. Был день книги, и я выступала со своим Андрюшкой — кукла такая. Сказать честно, я произвела потрясающее впечатление, особенно на математичку. Мне сразу после концерта годовую двойку по алгебре переплавили на тройку.

Есть такая сценка, когда Андрюшка спрашивает:

— Так, значит, это не я говорю?

— Нет, не ты, это я за тебя говорю.

— И я не твой сын?

И я прямо на сцене начинаю плакать. И дети в зале тоже очень сильно переживают такие трогательные моменты.

Маша работает в детском отделе Московского театра. Ее концертная ставка — пятьдесят рублей за выступление. Такая же ставка у мамы, у бабушки за звание заслуженной артистки республики на три рубля больше. Мама и бабушка получают сейчас пособие по безработице, поскольку твердых окладов у артистов эстрады никогда не было, а Московский театр не в состоянии обеспечить своих работников концертами.

Маша выступает на новогодних елках, в актовом зале в школах и очень радуется тому, что работает именно в детском отделе — там, к счастью, концерты пока

позировать фотографу с великолепным бриллиантовым ожерельем на шее (ожерелье поменяли в двадцатые годы на мешок пшеницы).

Сама Маша родилась в семьдесят третьем году, в золотое время советской эстрады. Академики получали тогда 600 рублей, а мама и бабушка с концертами зарабатывали по 700—800 рублей, тогда-то они и купили квартиру на Садовом — главное богатство семьи.

— Всегда почему-то принято думать, что артисты миллионеры, — рассказывает Маша, — но в Москве миллионеров-артистов человек десять. И это звезды. Но состояние все сколачивают где-нибудь на периферии. Там они могут потратить 25—30 тысяч за концерт, сделать билеты по 100 рублей. Вот у меня этой зимой были гастрольные поездки в город Чернушки, это под Пермью. Была огромная детская программа, возили к нам детей со всех колхозов, были аншлаги, мы заработали хорошие деньги. У них там есть такой памятный альбом. Я его полистала. Кого там только в этих Чернушках не было! Маликов, «Электроклуб», Аллегрова, Задорнов, Жванецкий! Всем приходится вертеться, кто как может.

Лучший ксилофонист Московского театра играет на Арбате. Он был в Европе, в Америке, известнейший артист. Но жить как-то надо. Концертов по линии Московского театра может год, два не быть — не умирать же с голоду. Одну певицу я встретила на Рижском рынке — продает вещи,